

TOR ULVEN

ТУР УЛЬВЕН

ИЗБРАННОЕ

перевод с норвежского

Иосифа Трера и Дмитрия Воробьевва

при участии

Микаэля Нюдаля и Гуннара Вэрнесса

ARIEL FÖRLAG

Серия «Моль»

ARIEL FÖRLAG

серия «МОЛЬ»

Tor Ulven: Dikter i urval pa tjuvasjiska och ryska. Utgiven under förlagets Rysslandsetikett »Serie malen«. I översättning av Iosif Trer och Dmitrij Vorobjov i samarbete med Gunnar Wærnness och Mikael Nydahl.

ARIEL FÖRLAG Knopparp / Tjeboksary 2010

© Gyldendal Norsk Förlag AS 2000 [All rights reserved]

© översattningen förlaget resp översattarna 2010

Originaltitel / Название оригинала Samlede dikt

Grafisk form och sättning / Дизайн и верстка Elena Vorobjova

Tryckt i Tjeboksary varen 2010 / Отпечатано в Чебоксарах весной 2010

Denna översättning har publicerats med ekonomiskt stöd från NORLA.

Перевод публикуется при финансовой поддержке НОРЛА.

Заказать книгу можно по адресу tor.ulven.book@gmail.com

ISBN 978-91-977578-3-6

ТУР УЛЬВЕН
СҮЙЛАСА ИЛНИСЕМ

*Норвегларан Микаэль Нюдаль
тата Гуннар Вэрнесс пулайшнипе
Иосиф Трер тата
Дмитрий Воробьев күçарнай*

«АРИЭЛЬ» ИЗДАТЕЛЬСТВИ
«Моль» сериѣ

ТУР УЛЬВЕН: ТЕКСТЫ, КОНТЕКСТ, РЕЦЕПЦИЯ

предисловие к русско-чувашскому изданию

Норвежский поэт, писатель и переводчик Тур Ульвен родился 14 ноября 1953 года в пригороде Осло, где и прожил всю жизнь. Он был высоко эрудированным человеком, хотя формально имел лишь аттестат о среднем образовании и удостоверение машиниста подъемного крана. В юности настойчиво занимался живописью и долгие годы верил, что она станет главным средством его творческого самовыражения. Говорят, что Тур был человеком простым, участливым, дружелюбным. Он был влюблен в блюз и хорошо играл на губной гармонике. Его ранние поэтические работы написаны традиционным для модернизма свободным стихом под сильным влиянием сюрреализма. В начале 1980-х годов он обрел самостоятельный голос, самобытную по стилистке и тематике манеру письма. Также в этот период он написал сценарий короткометражного сюрреалистического фильма и сам сыграл в нем главную роль. В последние годы жизни Ульвен по большей части публиковал прозу. Был награжден несколькими премиями, в том числе и авторитетной премией Доблоуг (Doblougprisen, 1995). Но его душевное состояние было нестабильным, страхи и тревоги сильно влияли на его жизнь. В расцвете творческой активности Ульвен

прекратил непосредственное общение с людьми, хотя много публиковался, вел активную переписку. Большого напряжения душевных сил стоили ему единичные выходы в мир из самозаточения. Страхи одолевали его. 18 мая 1995 года Тур Ульвен покончил с собой.

Тексты

Тур Ульвен дебютировал в 1977 году сборником стихотворений «Тень первоптицы» (*Skyggen av Urfuglen*). По словам самого автора, годы увлечения сюрреализмом оставили в этой книге слишком заметный след. Стихи из первого сборника, представленные в данном издании, были в свое время оценены поэтом как достаточно удачные. Признание к Ульвену пришло в самом начале 1980-х годов после выхода поэтических сборников «После нас, знаки» (*Etter oss, tegn*, 1980) и «Точка исчезновения» (*Forsvinningspunkt*, 1981). Но далее поэт на несколько лет замолкает. Поэтическое молчание было прервано в 1987 году выходом книги «Терпеливость» (*Det tålmodige*), встреченной критиками восторженно. Однако после выхода следующей книги стихотворений «Мусорное солнце» (*Søppelsolen*, 1991) вновь повисла пауза. Эти пять сборников сделали его одним из самых интересных поэтов Скандинавии. Сборники короткой поэтической прозы «Хлеб в склеп» (*Gravgaver*, 1987), «Нет, не то» (*Nei ikke det*, 1990), «Поглощение» (*Fortæring*, 1991), «Расщепление» (*Avløsning*, роман, 1993), «Ждать и не заметить» (*Vente og ikke se* 1994), посмертно изданная книга «Камень и зеркало» (*Stein og speil*, 1995) расширили его читательскую аудиторию, усилили интерес литературных критиков. Проза Ульвена является прямым продолжением его поэтического мира: те же темы, тот же отточенный стиль – но в ней больше красок, она более мягка. В прозе, по его собственному признанию, он позволял себе высказывать то, что должно быть удалено из поэзии. К его творческому наследию мы должны также отнести и книгу «Отложенные стихи»

(Etterlatte dikt), опубликованную в 1996 году, состоящую, по сути, из трех стихотворных сборников «Окаменелость волн» (Som fossile bølgeslag, 1984), «Театр музея» (Museets teater, 1984-1985), «Неоткопанные флейты» (Uutgravde fløyter, 1985-1986) и отдельных стихотворений, опубликованных ранее в периодике.

Составить представительный сборник текстов Тура Ульвена и легко и трудно. Трудно потому, что его стихи последовательны и плотны (и потому весьма чувствительны к редакторским вторжениям), а легко потому, что к какому бы из стихов ты ни обратился, везде найдешь то, чем стоит поделиться с иностранным читателем. Российскому читателю представлено «Избранное», куда вошли основные тексты его сборников (за исключением первого сборника). При подборе стихов для перевода возникают специфические затруднения, созданные самим Ульвеном. Его стихи в принципе можно рассматривать по отдельности, но фактически они образуют группы, которые соединены в циклы, а циклы — в целостную книгу. Ранние сборники, как и любая мастерски скомпонованная поэтическая книга, содержат в себе «зоны молчания», особую пунктуацию, «задержки дыхания», очевидно, также «падения», осторожные синкопы, своеобразные «нашептывания», подсказки, неназойливые «указания» читателю. Стихи в его книгах выстраиваются в горизонтальную линию — пространственную и временную — которая способствует явлению текстов миру как некоего живого тела, уникального произведения, как единственно возможной реальности. В данном сборнике мы попытались сотворить новое тело ульвеновских текстов, которое имело бы достаточную плотность, характерную для стихов, но и оставляло бы место для звучания одного стиха в другом, ибо полагаем, что *перекличка между текстами* есть основная часть их способа действия.

Контекст

Чтобы понять место Тура Ульвена в истории норвежской литературы, необходимо ознакомиться с краткой историей нашей литературы и языка. Норвегия — молодая страна. Для описания истории литературы мы пользуемся заимствованными понятиями, да и сам язык, что известно далеко не всем, также является заимствованным. Классическая норвежская литература (Саги и Поэзия скальдов) существовала на древненорвежском языке, не отличающемся от современного исландского языка. Вследствие эпидемии чумы, «черной смерти» 12-14 веков, инфраструктура страны пришла в упадок, города и селения оказались отрезанными друг от друга. Это привело к исчезновению древненорвежского языка как литературного, а норвежская литература возродилась в 16 веке, но уже на латинском и датском языках. Столетиями Норвегия находилась в зависимости от Дании. (Из авторов так называемой «датско-норвежской литературы» Тур Ульвен, как известно, особо ценил Тумаса Кинго (Thomas Kingo, 1634-1703), сочинителя псалмов эпохи барокко). Ситуация не изменилась и после вхождения Норвегии в 1814 году в состав Швеции. Датский оставался литературным языком еще и в начале XX столетия. В качестве примера можно упомянуть редкие поэтические творения лауреата Нобелевской премии Кнута Гамсунна (Knut Hamsun, 1859-1952), а также Генрика Ибсена (Henrik Ibsen, 1828–1906), которые пользовались литературным датским, вкрапливая в тексты слова диалектов норвежского языка. Естественно, эту проблему норвежская культура должна была решать. В период национального романтизма (вторая половина 19 в.) и вплоть до 30-х годов 20 века норвежская интеллигенция была занята «отсеиванием» всего ненорвежского от норвежского. Дискуссия по данному вопросу никогда не утихала. И по сей день норвежцы пользуются двумя письменными языками: «нюнорск» («новонорвежский») и «букмол» («книжный

язык»). Лингвист, фольклорист и поэт Ивар Осен (Ivar Aasen, 1813-1896) создал нюнорск на основе диалектов, и в 1885 году стортинг (парламент) уравнял в правах нюнорск с традиционным датским языком. А второй язык, букмол, – является результатом слияния современного норвежского разговорного языка с датской орфографией.

В процессе языкового и культурного отмежевания, возникшего на волне национального романтизма, определилось понимание места поэта и литературы в жизни народа и государства. Два великих поэта того времени Бьорнстерне Бьорнсон (Bjørnstjerne Bjørnson, 1832-1910) и Хенрик Вергеланд (Henrik Wergeland, 1808-1845) были глубоко захвачены процессом утверждения политической, художественной и культурной самостоятельности, завершившимся провозглашением независимости страны в 1905 году. Поэт, как тогда считалось, должен был писать о жизни простых людей, обсуждать законопроекты, участвовать в политических дискуссиях, поддерживать становящийся на ноги парламентаризм. Требования к литературе и писателям быть «слугами народа» и сегодня определяют роль писателя в обществе. Если писатель рассматривает свои творческие задачи в отрыве от политических и народных устремлений, то и сегодня общественность относится к нему со скепсисом.

Чтобы понять главную особенность норвежской литературы, а именно, что путь развития модернизма в периферийной Норвегии (и ее изменчивом литературном языке) сильно отличается от остальной Европы, даже от близких Швеции и Дании, необходимо схематично обрисовать связи между становлением национальной государственности, литературным языком и литературой-как-строителем-нации. Структурные и экономические предпосылки к модернизации общества воспринимались как естественные в самой Норвегии, но они не стали предпосылками эстетической модернизации. Русская революция сопровождалась Серебряным веком, Первая

мировая война – сюрреализмом, имаженизмом и дадаизмом. Норвегия была свидетельницей событий, происходящих «там внизу» (т.е. «на юге») или «где-то там», и при этом ничто не переживалось до такой степени, чтобы оставить заметный след в норвежской литературе как в тематическом, так и формальном плане. Несомненно, еще в позапрошлом веке отдельные норвежские писатели пытались оторваться в своих творениях от множества реалистических романов и «народных» новелл, но в поэзии лишь одинокая звезда вдохновленного символизмом протомодерниста Сигбьорна Обстфельдера (Sigbjørn Obstfelder, 1866–1900) оказалась счастливой. Центральные поэты Олаф Булл (Olaf Bull, 1883–1933), Улав Нюгард (Olav Nygard, 1884–1924), Кристофер Уппдал (Kristofer Uppdal, 1878–1961, в основном писал романы о жизни рабочего класса, был открыт как поэт лишь после смерти), Херман Вильденвей (Herman Wildenvey, 1886–1959, веселый и популярный версификатор, значение которого ныне ничтожно) и Арнульф Оверланд (Arnulf Øverland, 1889–1968, традиционалист и деятель культуры, пламенный противник поэтических форм модернизма), творили в период только что завоеванной независимости. Из них можно особо выделить неугомонного и в то же время пессимистичного Булла, творившего в общеевропейском русле. Булл постоянно путешествовал и оставил после себя поэзию, осененную потерями и страхами, субъективную и передовую для своего времени. Другим, родственным ему по духу, поэтом был Улав Нюгард, умерший молодым от туберкулеза. Его поэзия интенсивно питалась жизнью и была насыщена смертью. И все же понадобилось еще полстолетия для того, чтобы их личностно ориентированная и субъективная радикальность стала легитимной в норвежском образе восприятия поэтической формы и закрепилась в литературе. По характеру поэтического мышления именно эти двое представляются актуальными и сегодня,

потому их можно считать предшественниками Тура Ульвена. (Сам факт того, что они относятся к тем немногим норвежским литераторам, к которым Ульвен обращается в своих эссе, также косвенно подтверждает эту мысль).

Во время немецкой оккупации, начиная с 1940 года, норвежская творческая интеллигенция (незрелая и нестойкая) оказалась в чрезвычайном положении. В течение всех пяти лет оккупации Норвегия, в прямом смысле слова, была в застое. В литературе это проявлялось сначала в поэзии Сопротивления, а затем в обличительной литературе о пособниках нацистского режима — в очередной раз условно-историческое наклонение порождало литературу, наряженную в лоскутки четких и ясных обращений к населению. Известные поэты до- и послевоенных лет: Тарьей Весос (Tarjei Vesaas, 1897-1970), Гуннар Рейс-Андерсен (Gunnar Reiss-Andersen, 1896-1964), Астрид Йертенес Андерсен (Astrid Hjertenæs Andersen, 1915-1985), Клас Гилл (Claes Gill, 1910-1973), Ингер Хагеруп (Inger Hagerup, 1905-1985), Пол Бrekke (Paal Brekke, 1923-1993) и Рольф Якобсен (Rolf Jacobsen, 1907-1994) занимались как осторожной модернизацией того, что в норвежской литературе называется «использованием образных средств позднего символизма», так и созданием традиционных рифмованных стихов. У этих поэтов можно обнаружить какую-то степень модернизации поэтических форм, но традиционное лишь постепенно растягивалось, каждый новый шаг совершился осторожно, не постулируя ни нарушений, ни разложений, ни провокаций. Характерные для модернизма ингармоничность, непокорность и субъективность переживаемых явлений — весь его иконноборческий пафос — и сейчас не до конца прижились в норвежской поэзии. Однако есть и исключение: поэзия Гунвор Хофмо (Gunvor Hofmo, 1918-1995), метафизически осмысливающей мир, довольно радикальна по форме. Хофмо относится к тем

норвежским поэтам, в личных позициях которых и созданных ими образах мира отпечатались незаживающие раны войны. Это заставляет признать ее одним из наиболее модерновых и радикальных поэтов той эпохи.

В конце 1960-х и первой половине 1970-х годов молодые поэты объединились вокруг журнала «Профиль» (Profil). Самых поэтов десятилетия называют «поколением Профиля». В разное время в журнале работали такие «задающие тон» поэты, как Ян Эрик Вольд (Jan Erik Vold, 1939-), Георг Йоханесен (Georg Johannesen, 1931-2006), Эльдрид Лунден (Eldrid Lunden, 1941-), Чель Хеггелунд (Kjell Heggelund, 1932-). Краткую характеристику этого поколения можно найти в словах прозаика Дага Сулстада (Dag Solstad, 1941-): «Мы не желали приделывать кофейникам крылья». Эти слова могут служить индикатором антиметафизической, антитрансцендентной, антисимволисткой позиции поэтов и устремленности норвежской поэзии в историческое «сегодня»: Вьетнамскую войну, голод на отдаленных континентах, студенческие волнения и процессы объединения Европы. В области стилистики идеалом служила «повседневная речь», искусное считалось дурным тоном. Ни Данте, ни Шекспир, ни классическая поэзия не были предметом изучения и поклонения. В студенческих кружках штудировали и обсуждали труды Мао и Маркса. Но если внимательнее присмотреться к творчеству какого-либо писателя того периода, – наша упрощенная картина даст трещины. Ни один из названных поэтов не вписывается в эту схему. Если в юности они находились под влиянием идей простонародности и общедоступности поэзии, то в дальнейшем их творческое самосознание менялось, они обретали свой голос. И тогда станет ясно, что общеевропейские духовные ценности вошли в нашу поэзию в гораздо большей степени, чем это обычно принято считать. На самом деле именно в те годы происходила модернизация норвежской литературы.

Причем, модернизация четко артикулированная, раскрепощающая, в форме более-менее широкого и сплоченного движения, поскольку эти поэты не были одиночками или исключениями, входили в различные профессиональные «созвездия» в качестве редакторов, переводчиков, издателей. Они представляли читателям не только иностранных авторов, но и современных норвежских поэтов, таких как Улав Х. Хауге (Olav H. Hauge, 1908-1994). Это они спровоцировали (пусть лишь отчасти!) второй расцвет в его творчестве, принесший ему славу одного из важнейших наших поэтов. Хауге начавший как традиционный поэт, пишущий на нюнорск, постепенно стал черпать вдохновение в творчестве иностранных поэтов, таких как Гельдерлин, Георг Тракль, Анри Мишо, Пауль Целан, которых он переводил, и частично ассимилировал в своем, близком к реалистическому, строе образного языка. Кривая его творческого развития в большой степени совпадает с историей норвежской литературы 20 века и показывает, на примере отдельного писателя, как обновление норвежского языка происходило и происходит не через разрушение старого, а через постепенную ассимиляцию нового.

Юность и первые литературные опыты Ульвена совпали по времени с периодом расцвета норвежской поэзии, когда наша литература со всей серьезностью открылась миру, когда очень активно переводили и публиковали иностранную литературу, сначала в журналах, а потом и отдельными томами. На страницах ведущих журналов «Базар» (Basar), «Профиль» (Profil), «Окно» (Vinduet) на рубеже 1960–70-х годов впервые на норвежском языке были представлены главнейшие иностранные поэты 20 века. (Судя по этим журналам, интерес норвежцев к модернистским, динамичным и амбициозным направлениям литературы был достаточно велик, что указывает на ошибочность упрощенно-популярного понимания литературы 1960-х годов лишь

как материально-реалистической). Со второй половины 1960-х и в начале 70-х годов впервые переводятся – причем довольно интенсивно – произведения раннего европейского авангарда, эксперименты межвоенного времени, крайности американской бит-поэзии, франкоязычный модернизм. Постепенно распространяясь в Норвегии, они способствовали пониманию того, чем занимались предыдущие поколения поэтов за пределами страны. Таким образом, можно сказать, что в течение десятилетия, предшествовавшего дебюту Тура Ульвена, норвежская литература, открывшись иностранным влияниям, постепенно отказалась от участия в строительстве национального государства. В таких условиях сформировалась оригинальная, аполитичная поэтика Тура Ульвена, имеющая корни в зарубежной поэзии, а именно в традициях французского модернизма.

Начиная с 1920-х годов влияние французской литературы на норвежскую ослабело: исторически у Норвегии связи с немецким и английским языками всегда были крепче, чем с французским. Поэтому французская литература прошлого века «пострадала» больше всех из-за того, что Норвегия занялась своими внутренними проблемами. Большой интерес Тура Ульвена к французской литературе возник, возможно, из публикаций в норвежских журналах. Чтобы ближе познакомиться с сюрреализмом и с авторами, на которых глубоко повлиял сюрреализм, например, с Рене Шаром, Ульвен изучил язык и читал в оригинале. Его интересовали писатели, владеющие острым чувством формы, характерным для раннего авангарда, и сохранившие предрасположенность к трезвому исследованию окружающего мира, такие как Франсис Понж и Филипп Жаккоте, творчество которых реально претендовало на синтез вдохновения и чувств поэта с систематизирующим и отчужденным взглядом на мир ученого. Во французской прозе подобные притязания заметны у мастеров нового романа Алена Робб-Грие или

Клода Симона, которых Ульвен переводил в 1980-е годы. Тур Ульвен был в числе первых, кто познакомил норвежского читателя в конце 1970-х годов с модернизмом середины века (переводы Рене Шара и Сэмюэла Беккета). Проза Ульвена, очевидно, написана под влиянием Беккета и Симона. В эти же годы состоялся его дебют в поэзии.

Первая книга Тура Ульвена появилась в норвежской литературе одновременно с переводами Бретона и по прошествии 25 лет после дебюта на норвежском Т. С. Элиота. Произведения Маяковского были переведены здесь за 10, а Беккета – за 15 лет до дебюта Ульвена. За весьма короткое время нужно было прочитать, перевести и приспособить к норвежскому восприятию полувековой опыт мировой литературы в формотворчестве и эстетике. Тур Ульвен стал одним из писателей, сумевших утвердить этот опыт в своем многогранном творчестве (признанным некоторыми еще в то время) в норвежской литературе, одновременно бросая вызов традиционным формам художественного восприятия норвежского читателя. А формы эти были порождены и воспитаны чтением Библии, скандинавских эпосов и волшебных сказок. Читатель еще не требовал роскоши и многозначности форм, не искал романтически-демонического, гротескного, фантазийного, экстравагантного, умозрительного, не интересовался детализацией – не в такой степени и с такой быстротой, как в остальной Европе. Для иллюстрации приведу грубое сравнение: в Норвегии мы имеем своего Толстого в лице Ибсена, Достоевского – в лице Кнута Гамсuna, а с кем сравнить Андрея Белого и Булгакова? Ответ на этот вопрос смогло дать поколение писателей, к которому принадлежит Тур Ульвен. По сути, это поколение оказалось первым, которому выдалась возможность заниматься инновационной, поисковой литературой, не выполняющей задач сплочения нации или избавления от национального чувства стыда или травм. К тому же писатели этого

поколения впервые имели возможность заходя в библиотеку находить там все главное, что имело место на международной поэтической сцене за последнее столетие. Быть может, коллеги Ульвена по цеху и не являются основателями модернистской литературы в Норвегии, но они сконсолидировали достижения модернизма, его формы и эстетику, познакомили норвежский литературный язык со средствами выражения, которые еще предыдущее поколение считало неассимилируемыми. Они подготовили почву для того, чтобы сегодня было намного легче переводить иностранных поэтов нашего времени. На практике это означает, что норвежским поэтам моего поколения теперь не приходится ждать, пока зарубежных поэтов наградят Нобелевской премией, чтобы мы могли их прочитать на родном языке.

Рецепция

В начале Ульвен воспринимался как писатель для писателей. Тот факт, что он покончил собой, наверное, и сделал многие интерпретации его текстов несправедливыми. После ухода Ульвена стало легко находить в его творчестве болезненный интерес к смерти. И правда, в стихах Ульвен не проявляет никакого милосердия, его творчество полно смерти, пустоты и пессимизма. При жизни его сильно критиковали за мотивы смерти, горький юмор и новый поисковый язык. Такая судьба ждала не только Ульвена. И другим центральным поэтам того же поколения, например, друзьям Ульвена Свейну Ярволлу (Svein Jarvoll) и Уле Роберту Сунде (Ole Robert Sunde) пришлось бороться с неприятием критиков. Сопротивление вызывало то, что новый язык у этой литературы, мол, слишком сложен, и тем самым исключает обыкновенного читателя, такой язык отравлен элитаризмом. Однако норвежские критики постепенно замечали, как развивалась на норвежском метафорика Целана, как оттачивали себя эллипсисы

Беккета, привыкали к предложениям, которые делятся страницами, как у Клода Симона. Они постепенно признались в том, что часть литературной деятельности может быть самостоятельна по отношению к императивам развлекательности и педагогичности. Сегодня, после 40 лет активности «поколения Профиля», после всех их достижений, стало общепринятым, что литература бывает разной, иногда очень специальной, требующей подготовки от читателя. И чем дальше от нас непосредственная биографическая реальность самоубийства Ульвена, тем легче осознать, что скепсис Тура Ульвена в отношении идеалов оптимизма и гуманизма (столь нетрадиционный для Норвегии) является не результатом его собственной озлобленности.

Этот скепсис может быть объяснен двумя способами. Во-первых, можно обратиться к Беккету или его предшественнику Шопенгауэру с их возмущением несправедливостями жизни, упорным и холодным взглядом на человеческие недостатки. Они могут снабдить нас критериями и инструментарием для описания перехода от модернизма к постмодернизму: когда фаза освобождения от традиций и оптимистической веры в будущее переходит в фазу саморефлексии, невольного осознания себя в новом средневековье с его диктатурами, бесконечной резней, разрушительной экспансией. Во-вторых, можно посмотреть на Ульвена и так, как смотрели на Кафку Делез и Гваттари в своей книге «Кафка. К минорной литературе» (1975), не обращая внимания на мотивы смерти, страха, отвращения, сосредоточившись на суровом юморе, отчаянии, на отсутствии иллюзий. Также можно объединить эти два подхода, как предлагают критики Торунн Борге (Torunn Borge) и Хенning Хагеруп (Henning Hagerup) в своей монографии о творчестве Ульвена «Скелет и сердце» (*Skjelett og hjerte*, 1988).

Считая себя атеистом и материалистом Ульвен часто использует неустоявшиеся философские понятия.

Он наделяет их новым содержанием посредством визуализаций, объективного и конкретного языка, и тем самым обнажает изначальный страх человека перед пустотой, показывает, что муки ренессансного ума перед пустотой космоса и пока-еще-не-раскрытым, тоска и душевные страдания романтиков остаются актуальными и в наши дни. Критически переосмысливая проект модернизации, Тур Ульвен пишет так, чтобы наш страх вместился в понятия и смысловые фигуры, которые со времен Просвещения воспринимались позитивно, как ориентиры для человека, отправляющегося в длинный путь из несамостоятельности к освобождению. Норвежские читатели недооценивали эту критику. Для обыкновенно думающего норвежца эпоха модернизма наступила не как некое новое средневековье, а как эпоха, отличающаяся положительными аспектами прогресса. Модернизм ассоциируется не с мировыми войнами, диктатурами, геноцидом или загрязнением окружающей среды, а с исчезновением из норвежской жизни войны. Короткое столетие норвежского модернизма является в его восприятии периодом освобождения от рискованного сельского хозяйства, от месячных рабочих смен в Северном ледовитом океане, периодом всем доступного здравоохранения, хорошо отапливаемых домов, безопасности на рабочем месте, повышенной зарплаты и хорошего уровня образования, одним словом, периодом благополучия, легкости и богатства. Самокритика позднего норвежского модернизма растет с каждым годом, проведенным им в размышлении при ясном и спокойном свете этой легкости: этот процесс демонтажа нормализованного сознания, который в эпицентрах западного модернизма требовал тяжелой и часто мучительной работы двух поколений, в Норвегии имеет место «post factum» с середины 1980-х вплоть до рубежа тысячелетий.

Итак, когда Тур Ульвен пишет о былой славе и потерях «венца творения», о вере в отсутствии веры, об

оглушительном молчании бесконечного космоса, то он произносит мысли, которые кажутся чуждыми большинству людей. К тому же он выражает свои мысли с индивидуальной точки зрения, говорит о слышимых им голосах и своих мгновенных видениях. Это — не анализ, не тезисы или историко-социологическое объяснение причин и следствий. Он пишет «в», а не «о» предмете. Он направляет и показывает, но не утверждает. Его язык трезв и богат деталями, в нем нет жестокости и обещания лучшего. Это, как считают многие, наталкивается на застарелое норвежское представление о том, кем должен быть писатель: борцом за свободу, наставником в пути, просветителем народа, авторитетом и учителем. Норвежский читатель в глубине души начинает понимать, что мы уже избавлены от необходимости вспахивать наши каменистые поля на лошадях, и теперь продаем нефть на мировых биржах, и приходит к логичному выводу, что это каким-то злым и ощутимым образом должно влиять на то, как мы думаем, как мы пишем, и как мы смотрим на себя и свои отношения с окружающим миром. Эти мысли вот уже два десятилетия созревают в норвежском сознании. И несмотря на то, что норвежское общество нехотя признавало творчество Тура Ульвена, теперь, по прошествии почти 15 лет после неожиданной кончины, он признан одной из важнейших фигур норвежской литературы 20 века.

Гуннар Вэрнесс

АМА КАЙАК ЁМЁЛКИ
ТЕНЬ ПЕРВОПТИЦЫ
(1977)

CĀBĀÇĀ

Хут-ручкăпа усă курма тахчанах пăрахнă вăл. Ун вырăнне шурă мрамор хăми çине пин-пин вĕтĕ хура кăткă сапса ярать те – хăй тĕллĕнек вĕр-çĕнĕ чĕлхе пуçланса каять. Çыру йĕркисене майлă самантра кĕленче ирĕлчĕкĕпе витсе ёлкĕр кăна.

ПОЭТ

Пользоваться ручкой и бумагой он перестал давно. Вместо этого он выпускает мириады маленьких черных муравьев на белую мраморную плитку – так почти сам собой появляется совершенно новый язык. Важно только в нужный момент залить жидким стеклом рисунок письма.

ÇĒР ПИТ

Тăсăлать вырсарни, хĕвел, аптăрав
шăнăр туртнăран пĕрĕнсе саrăлаççë
пĕр тикĕс тапăпа паркsem
тусан айне вырттарнă
çĕлен чĕри тапнăн

ЗЕМЛЯНОЕ ЛИЦО

медленное воскресение солнце и уныние
судороги парков что расширяются
и сжимаются в ритм
змеиного сердца
погребенного в светящейся пыли

КАÇ ВАРРИНЧИ ХÃШ-ПЁР САСРАН ...

Каç варринчи хãш-пёр сасран
ман ыйäхäm таратъ
Вёркелешет темскер
кäткä тёми пулса выртнä урине
хускатас темесёр
Ҫывäрам пулса выртассäm килмest
Варьете театрёнчи пианино вёт эпё
вилём выглядть ман ڇинче араш-пирёш кёвшисене
Пуç ڇийёнчи ҫўлё тўпе ҫаври –
капашсäр пысäк кайäк пуç чашки –
чёмсёrrён анатъ шуса
ҫухатнä ҫатмаха

КАКИЕ-ТО ГОЛОСА В НОЧИ...

Не дают мне уснуть
какие-то голоса в ночи
Или может это чей-то лай
Не хочет шевелить
ногами-муравейниками
Не хочет делать вид что я сплю
Потому что я и есть то пианино в театре-варьете
на котором смерть играет обрывки мелодий
И этот высокий свод надо мной –
череп огромной птицы –
кружась безжизненно опускается
в потерянный рай

ТИМĚР КĀШКАР

Хула таврашёнче фабрик мäйисем
чыслä алтарь çурти пек сýнсе пынине
çўл ту çинчен пäхса тäратäп.

Куратäп кёрхи хёвел тухса соборäн хёргё туине
çутатнине
тата вётё шäm çäрана
куçпа шäтарасла тинкернё
тайлäк ѣслä гиенäна

ЖЕЛЕЗНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

С высочайшей городской горы
я вижу фабричные трубы в пригородах
сгорающих как торжественные алтарные свечи
Я вижу отблеск осеннего восхода солнца
на соблазнительно-красных губах кафедрального собора
и эту гиену-шизофреничку
вперившую взгляд в невозможно сложный замок
из мелких косточек

АНАТОМИПЕ ПАЛЛАШНИ

Купарча шämми евëрлë тäват ураллä пëр япала
пürne турамëпе тултарнä ūпке сëтëрсе пырать
хура кўлë урлä, пäр ڦийён
кўлли – санäн кусу

ПУТЕШЕСТВИЕ В АНАТОМИЮ

Четырёхногая тварь подобная тазовой кости
волочит одно лёгкое полное откровенных пальцев
по обледенелому лесному озеру -
твоему единственному глазу

ĀШ ПĀТРАННИ

Çäварне уçса пăрахрë кафере ларса юлнă пёр этем. Чёлхин лаппине халичен курман хурт-лëпёшë йëппе тирсе тултарнă, пырён тëпёнче Вăтаçëр тинëсэн юхämë курäнать, унта тулли çилкëçлë пёр галеас Африкäналла шäватель. Taxäshë күç хупаххине пырса уçрë те çавäнтах күç шärçисенчен чёкеçсем вëçсе тухрëç, чёкеçсем мар, хурлă сäвäсенчен виле äсатма пухänнисем карталанса вëçсе тухаççë çапла вăхăтран вăхăта.

НЕДОМОГАНИЕ

Последний из гостей кафе открывает рот. Язык его полон редкостных насекомых, насаженных на тонкие булавки, а глубоко в глотке можно разглядеть узкую полоску Средиземного моря, где галеас под полным парусом направляется в Африку. Кто-то помог ему поднять веки, и тотчас стая ласточек выпорхнула из зрачков, как невесомая похоронная процесия иногда вылетает из грустных стихов.

ЧУЛ ТАТА ЮР

Ятсär хуça чўрече-алäка
питёрнё-кайнä
Урам тäрäх – кашкäр йёрё те краçсын çути
Пäр äшёнче – шäтан-юханлисен хänkäравë: шänk-шанк!
кил вучахёсенчен, кёл äшёнчен
çёкленеççё савакан алäсем
шухäшäm шавах эс тахсан ларнä
çемçe пукан çийён кумать

КАМЕНЬ И СНЕГ

Окна и двери
запечатаны неизвестным владельцем
Зажженные керосиновые лампы и следы волка на улицах
Колокольчики прокаженных звучащие внутри ледника
Очаги в которых
вырастают любящие руки
Это всё напоминает мне о кресле
в котором ты сидела в тот день

КАСТАРАКАН ШУХĀШ

Ку апат мана килёшмest, тусан шärшиллë вäл. Мана чёрë, çäварта йäшäл! çавäрэнса тäракан, ачаш шämми шатäртатnä май çунат саракан кайäксем килёшeççë. Пуринчен те ытла кämäлланä пулättäm эпë кайäкëпе пëрле сунарçи те ман чёлхем çинче урлä-пирлë чупса çўренине, çўреччёр кайäк тытма чавнä шätäка сиксе çухаличчен, унта выртаççë бальзамланä капäр вилесем, вäрман чёри çумёнчë, тëтреллë те хаяр юмахри кёленчë тупäксенчë.

МУЧИТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ

Я не люблю эту пищу, она имеет вкус пыли. Я привык питаться живым, тем, что еще ползает и вертится во рту, птицами, бьющими крыльями, в то время как их нежные косточки хрустят. А больше всего мне хочется отведать дичь и охотника, несущихся вдоль и поперек языка, чтобы сгинуть в сердце леса, на дне замаскированной ямы, на острых кольях, где забальзамированные и разукрашенные трупы лежат, будто в стеклянной коробке, полной тумана и страшных сказок.

ПӘР ҖЫРУ СЫПÄКЕ

Хуци хайен ухмахлыхне кура ѣеç
хүçаланнине ўнланнä сунар йыттин
çамкийёнчен тумланä
сив тар шывё ѻеç
кёçер сана ёçмелёх пулё;
тул çутäлсан кышлän тип шämä аашнө.

ФРАГМЕНТ ПИСЬМА

Эти капли пота,
стекающие со лба охотничьей собаки
в момент, когда она понимает,
что человек властвует в силу своего безумия, –
вот всё, что дано тебе пить этой ночью;
на рассвете, будешь грызть закостенелые ласки.

ХЫÇАМÄРТА – ПАЛЛАСЕМ
ПОСЛЕ НАС, ЗНАКИ
(1980)

Пиләк пўрнў – армак-чармак
пиләк тўрме пури
унта хавна эс
хупса лартнა –
пиләк сানләскерне.

Кашни черченкё сёртёнў
пурана
кисрентерё

Пять растопыренных пальцев твоих –
пять башен тюремных,
где ты сидишь
заключённый
в пяти разных обличьях.

Малейшее прикосновение –
и башня
рушится.

Йěкёлти
гриф
пирěн ѣшра
çавäрчë йäва, ёçкёç тусамсем.

äна
апатлăх -
мĕнпур çённи
мĕнпур чёрри, шавлаканни

Хёвел çути –
гриф ѣшёнчё.

Гриф-
оборотень
живет внутри нас,
братья-собутыльники.
Поедает
всё новорожденное, всё
что не может лежать
спокойно.

Внутри грифа
сияет солнце.

Ҫырусем: хут карапсөм
ишсе каяççe
кёпер айнелле

сäвай вäкäрë
тухса тарма хатёр унтан
кäçал та.

Тäвайкки
пäсланать хёвел питтинче, ирхи шäн пäрчäканë

тумлатnä тумла
пäсланса вёсет.

Пёлёт
пулать вäл.

Письма: бумажные кораблики
уплывают, покачиваясь,
под свод моста,

где и в этом году
зверь, пустивший корни,
готов к прыжку.

Талая вода
испаряется с южных склонов, падает

из белых трясогузок стужи,
тающих в полёте.

Тучи
приобретают их форму.

Тёнчө пётес
умён
эпё,
чёррён тарса юлнäскер,
тасан ыйха
çак өшёл аваллăх
арчинче.

Пред
последний день,
и я, оставшийся в живых, всё ещё
сплю
в зародыше
зелёной первобытности.

(ÇĀRĀLČĀK ЧĒЛХЕ)

Виле çуралнă сামахсем
утма вेренеççě,
çýреççě
татнă юн тымарёсенчен таянса.
Ёнтë хăçантанпа
хăвалатпăр вëсене
каялла леш енне.
Ӑнланма çук
пачах
пакăлтатăвне.

(ТАРАБАРЩИНА)

Мертворождённые слова
учатся ходить,
ковыляют к нам на ходулях
отдельных вен.

Мы можем, как обычно, прогнать их
на другую сторону.

Впрочем, их шершавый говор
не стал
более понятным.

Кёрхи хăвăлсенче
суккăр хĕвел туйин
шаккавё.

Пăрланнă хум катрамĕ
айĕн акă:
Çулçă-пattărcem
ÿсанаççë
чи тĕпĕнчи
кĕленче зала,
унта шăпланĕ
кулă.

Отзвук

солнца – трости слепых – бродит
в катакомбах осени.

Под брызгами

застывших от холода волн:

Пожухшие листья-богатыри

отправляются

в самый сокровенный зеркальный зал,

где затихает

смех.

ТАСА ĂРĂМĂН ХУРА ПИТЛË КËНЕКИНЧЕН

Ҫук, ҫак хăрушлăха корольпе унăн չыннисене пёлтерсе,
вëсене шуйхатма пултарайман ҫак суккар астролог.
Никама та, пёр сăмах та.

Хăй пурăнакан ҫурçёр енчи пура чўречинчен сикет вăл
хулаш тавра алтнă ур шывне, çемёret ноябрь каçë хывнă
пăр ҫурхахне. Ыттисем пурте չывăрнă чухне.

Ҫăлтăрсем калани тўрре тухнипе тухаманнине истори
пёлмест.

ИЗ БЕЛОЙ КНИГИ ЧЕРНОЙ МАГИИ

Нет, не мог слепой астролог раскрыть своё страшное знание королю и всему двору. Никому, ни-ни. Он выбросился из окна северной башни и разорвал тонкую ледяную пленку, натянутую на ров той ноябрьской ночью. Все остальные спали.

Исполнилось ли его предсказание или нет – об этом история умалчивает.

ПУРНЕ ТЕ ПЁЛСЕ ТĀМАЛАХ

Çёрти кёшёлти кätкäсене, сарашка ёмансене, йўплё хўресене курас килнёрен چаварса пахатан эсё нўрё таپрака выртакан чула, ун айёнче вёсем яланах туптулли пулакан, эсё – вёсене уçаканё, кётмен çёртен ярса тытаканё. Анчах та ку хутёнче чулан тўнтер енё қын пичё пулса тачё, тути қинчи вётё таپрана чётрентерсе тытаничё вაл калаçма илтёни-илтёни. Майёпен ёнланса илтён харалти, хаяр хуçанни пек саса мён каланинега: акă, çитрё сана та черет питпе çёре йаванма, выртани چапла кам та пулин ёнсартран, пёчёк ачалла пурне те пёлесшён қуннारан, килсе چаварса хуриччен.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ УРОК

Ты переворачиваешь камень, лежащий на сырой земле, потому что тебе нравится смотреть на муравьёв, желтоватых червей и двухвосток, которыми, конечно, кишит земля под камнем. Тебе первому дано открыть эти маленькие существа, застать их врасплох. Но на этот раз с оборотной стороны камня на тебя смотрит лицо, и оно начинает говорить невнятным голосом, пока комья земли шевелятся вокруг рта. Из этой сиплой и властной речи ты понимаешь, что наступает твоя очередь лежать лицом к земле, пока кто-то не придёт и не перевернёт тебя по случайности в порыве детского любопытства.

Вирхэнетеп
ўкетеп
хам ёшри
хавал витеп
аялалла,
Хула ишёлчекесем
сийён-
сийён
юлаççе хыçра,
вёсен çуммён
ўкетеп
ыйха путна тёрме хуралчи
çуммён
Ама чёлхе тапхарёнчи хўшёсен çумёпе,
пёрремеш алә йёрне упракан
тäm хавал çумёпе: санän аллу вäl.
Ўкетеп. Ўкетеп.
Вёçе
пулмаллах-çке.
Анчах вёçе те
ўкет. Ўкў хай –
ўкет. Никама та
пулмё
юлашки
сämax.

Я падаю, всё
падаю на дно
шахты
в себе самом.
Мимо проносятся,
слой за слоем,
развалины города,
где живёт один лишь
спящий охранник,
уносятся доязычные
селения,
уносится пещера
со следами первой руки
на стене: твоей руки.
Падаю. Падаю.
Всё-таки я
не без дна.
Но дно тоже
падает. Само падение
падает. Никто
не получит
последнего
слова.

Ылмашуллän
хуралса шуралса
çитет хайлав вилесле чänkä
ўт-тир чиккине.

Шäплäхпа чëмсëрлëх
хушшинчи çурäкран
курäнса тäратъ
йўплë чёлхе.

Viçepе viçse-касса
пултарнä
пуç
купташкine
тумламän тумлать
юрату
пуç çавäрса пани.

Kyç
и́лмесे́р
вëçсëр кëтнисем:тунсäх
картлашкисен граничë
сисёнмесе́р
çийённисем...

Буквы
поочередно
чернеют и белеют
на отвесной преграде
кожи.

В
узкой щели
между тишиной и молчанием
появляется
раздвоенный язык.

На
череп,
найденный с математической точностью,
падает капля
за каплей
любовный напиток.

Бес-
конечное
бдение откладываний на потом:
незаметный износ
гранитных ступеней
тоски.

Çурри çёре путнä сёрме купäс
квартетчё
лере вäрманта
ешёллëхре.

Йыväç хуппи те çулçä çёрёшё çумäрта
янраса (мусäкçäсем)
хуллен
лäпланаççё,
сасä каялла
шäплäха,
хäй çуралнä çёре,
таврäнать.

Струнный квартет
полузакопанных
где-то далеко в лесу
среди зелени.
Музыканты из коры и прели
терпеливо растворяются
под дождем.
Их музыка повернулась назад
к тишине,
откуда она и возникла.

Июль иртсен,
январь.

Ула курак урин
каллиграфийě,

шäплäх паллисем –

ура пусман
выräңсем

Çурçер шевли –
куç сивлекё.

Унта,
чäräшсен хушшинче
кам кëтет тата?
Пёрремёшё мар.
Иккёмёшё мар.
Виççёмёш çеç
кëтет
çын çук çёрте.

За июлем –

январь.

Каллиграфия

вороньих когтей,

знаки пауз

между

бесследным и бесследным.

Северное сияние

в холодке глаз.

Кто там ещё

ждёт

в ельнике между стволами?

Ни первое,

ни второе,

но третье

ждёт

в безлюдии.

Күç хупаңсан, юр хайлавě
вуланмě
ни-
хăсан.

Туратлă ал лаппинчи
шăпа йĕрĕсем
пĕлтермĕс
ни-
мĕн.

Каятпăр, юлаççе
кунта пулнă хыççăн
паллă-
сем.

Глаза закрыты, снежные
письмена не будут
про-
читаны.

Линии на ладони,
путеводные нити не будут
раз-
гаданы.

Отошли и также оставили
знаки.

Не-
существующие.

Шыв йälмаки
пухäнакан
вырäнта
пёр ўт çиппи тапса тäратъ, уçать те
хупать шапа лёккин
çулне. Кунтах, хайар çинче,
выртать икё
пушаннä шапа хуранд, айне
пытанмалäх.
Вëсем, икё çурма, пёр-пёринчен
çинче ўт таппине пула çеç
тытäнса тäраççë,
ўт çиппи—
икё пушлäх çыixxi.

Там,
где завершают путь
все подводные,
вздрагивает мышца,
запуская и выпуская
потоки воды и планктона. И
на песке остались
лишь две пустые чашечки,
в которые можно спрятаться.

Эти половинки
вместе удерживало
лишь крохотное подергивание
слизистого тире
между двумя
пустотами.

Шыв ڦийهن ىلتەنми

چەنەت کاچچى.

Хупلать хایاپ پېرчин ڦavarne
xerpê.

Нумай چېلھەلлەن
шавласа
تەرать ٽەمەنスクەر مەناھلەن
ىككەشەن ھۇشھىنچە.

Он кричит, чтоб не услышала
водная гладь.

Она просит минералы
молчать.

Что-то многоязыкое
продолжает
вещать
через них.

Çак пўлёмре
хрусталь пус шамми–
витёр пахмалых.

Сану мёлтлетет
кёллэ չумар пулса
չалтэрсем хушшинче
кунта мар,
тулта
չавать
йывაç хўхлевё
алә хускалавё, пўрне вылятавё
чиyён.

Хрустальный череп здесь
для того, чтобы в нём
отражалась комната.

Черты лица твоего
мерцают созвездиями,
там,
в вышине,
над игрой пальцев
и жестами, где крики деревьев
превратились в пепельный
дождь.

Тәнлать
чөлхесёрсене
какафони виртуозෑ.
Килет хевтесෑр,
йәнша сасә. Мәне
пәлтерет:
паллା мар.
Ҫакнашқал янәратъ
пулෑ

тумлашывёңсасси, тумлашывён-
сасси,
тумла-
шывёңсасси.

Виртуоз какафонии
вслушивается

в до-немоту.

Слабый,
по духу слабый звук.

Нет в нем
ни какого-то смысла,
ни бессмыслицы.
Возможно,
он звучит как

игра– капель– воды, игра– воды–
капель,
игра–
капель– воды.

Капăр юпаллă вырăну çинче
ыйха путсан
çăра шăтăкĕнчен пăшăлтатса чĕнекен
юмаха кĕретĕн.

Вăранатăн
юр айĕнче.

Кĕнекү, уçнă чух,
ыратнăран
кăшкăрса ярать.

Ты засыпаешь
под сказки, нашептанные сквозь
замочные щели, между ножками кровати,
которые внезапно зацвели.

Ты проснёшься
под снегом.

Когда ты откроешь её,
книга
вскрикнет
от боли.

Вăрттăн չыру паллисем
ту тупанёнче,
сăмах.

Хум çаппинчे тăратпăр эпир,
пăтрашуллă пĕлű
хăварнă йĕрсене
пĕр вĕçсĕр хышкаса
чултан тăваççĕ хумсем

чул.

Имя,

тайнопись рун
на утёсе.

А ты стоишь в волнах прибоя,
что терпеливо стирают следы
хаоса озарений
и снова делают камень

камнем.

Пёчекшे çäвар

үçалчෑ

сäрт тўпинчे.

Шапарти չумарп шывн€

тутанса пäхр€ те

хäварт

çухалчෑ, палли те

юлмар€.

Эпир çеç куртамарп

ăна.

Çапах та никама шарламаپар

нимён те, хамартан

касса кäлариччен.

На холме
открывается
крошечный рот.
Он всасывает
 журчащий дождик и
быстро исчезает,
не оставив следа.

Только мы
видели это.

Но мы, конечно,
не скажем ни слова, пока из нас
что-нибудь не извяют.

ÇУХАЛУ ПӘНЧИ
ТОЧКА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ
(1981)

Чикѣсѣр асапран
пѣр харѣс
арканасчѣ

ăслѣ
аппаратсем.

Күс улми тулать
флюоресцент цифрәсемпе
çаврәнать
суккар пәнчә

тавра.

Монстрсем киличен
пулнѣ пурнаç
йёркисем
шывран тухса Çёр җине тавәрәнни җинчен
пёлтереçчѣ «Хыпарсенче».

Куça шартакан çутä,
пурәнмалла эппин.

За болевым порогом
разваливаются
все

хитроумные
приспособления.

Светятся ряды чисел
в глазном яблоке,
которое вертится вокруг
слепого пятна.

Отчеты о воскресших
формах жизни,
предтечах чудовищ;
отходят
околоплодные воды.

Невыносимая светосила,
предлинная жизнь.

Пёр утäm,

сив чир тытнä юн тымарëсем
ўт тäräx, хýмë тärшшёпе.

Анаталла.

Çул хыççän çул.

Картишёнче
пёрхет фонтан. Мрамортан
касса кăларнä юмахри кайäкшän çeç
эсë юлän

янкäр çутä çу кунëн
тўпинчë.

Шаги,

сеть прожилок лихорадочной ломки
по телу и стенам.

Здесь, внизу.

Из года в год.

Во дворе замка
бьёт фонтан. А для
сказочного зверя из мрамора
ты остаёшься там,

наверху,
в ослепляющем свете летнего дня.

Зал

сывламасть.

Пăрлăх тапхăрĕнчи
виле

сассипе

кăшкăрать
микрофонтан уртăнса
çăва шăтăткĕнчен тухнă

янах шăмми

Тихо

в зале.

Челюсть,
выкопанная из земли,
склонилась
над микрофоном

и ревёт

вымершим
голосом

ледниковых времён.

Юрлă չумăр,
паркри йывăçсем,
палласа илейми

пулса тăнă.

Чўк уйăх вырсарнийĕ
çемче чўхенўре,
вăл хавшак

таса ырăсен
аллинче.

Нимёнле
музей япали те
мар эпĕ.

Йёри-тавра ынсем.
Каçкўлём.

Неандертал пус чашки, вăл չутрĕ

сарă ачаш չутине
ман умра,
йĕпе тротуар чинче.

Мокрый снег,
деревья в парке
не-

узнаваемы.

Ноябрьское воскресение
осторожно скользит
на дистанционном управлении

слабых
белых сил.

Я больше
не музейный
экспонат.

Сумерки.
Окружающие миры обитаемы.

Передо мной сиял
на мокром тротуаре,
своим мягким, желтым светом

череп
неандертальца.

Илсем
ку сানа
стена җинчен: шурă

тăват кĕтеслĕх, вăл
сан пекех,

никам ўнланайми.

Со стены
картину
снимаю: белый

прямоугольник,
на тебя похожий и
без комментариев.

Проектне вǎл

шǎрчǎк ҫуначён
ўкерчёкё майлǎ тума
шухǎшланǎ.

Ҫёкленнё пулёччё
хайсен эричен
ишёлнё

хрусталь пек таса
хула.

Она хотела
взять за основу проекта
прожилки на крыльях
стрекозы.

Возник бы
город
криスタльно чистый и превращённый
в руины
ещё до момента его основания.

Çapäçу ёмёлки
выртать
куça шартакан юр Шурринче.

Вырәнтән хускалман
ўкерчёк,
темёнскер
авәнса ўкнә, аса илтерет
сана.

кунта пётнә эсә пәлтәр.

Резкая тень
на ослепляющей
Снегобелизне.

Как неприкословенность форм,
как нечто
полусогнутое,
напоминающее тебя,
павшего

здесь в прошлом году.

Лөрө, хуралтасен
вěçёнче,
паян та
хүçаланаççé

вилнисем. Пурнäç тытаççé
ыйхине татмасäр,
шухäшлаççé шухäш
çёрсе пыни çинчен.

Хäрнä туратпа
чёрклеççé
Çёр протоколёнче:
Пёлместпёр.

Там, где заканчиваются
жилые массивы,
и сейчас
царствуют

исчезальники. Они правят
во сне,
их мышление
порождено разложением.

101

Сухими ветками
пишут они
земляные постановления:
Не ведать.

Тасалăх тата юр

пулмĕс

нихăсан та

çухăрашуллă.

Снег, белизна
никогда не бьются

в истерике,

наверное.

Ташласа каяçče
вärманалла,
хëlëxcëp купäссен
шäплäхнë
çити.

Шänкäрти шыв çeç çырмара
чул ёмëрсем витëр
авäնкаласа.

Тата: эрози сасси
кëрет
хäлхана.

Ташлаççë, ташлаççë
сан çинчен шухäшламаççë.

Утанцовывают, кружась,
глубоко в лес,
в тишину
бесструнных
скрипок.

Остаётся только
 журчание ручья, текущего
 сквозь каменный век.
 А для тонкого слуха –
 шорох
 эрозии.

Они всё танцуют и танцуют
 не думая о тебе.

Чир
саракан
çутă.

Ан тух çутта,
ан шăтса тух,
тар анăçран,
тар тухăçран

пытанса юл.

Чăнах,
чĕлхи хаяр
çуралманнин.

Хватит с меня
эпидемичного
света.

Зарыться
восточнее мозгов,
западнее ногтей,
непросвещенным,

подземным.

Да,
учение нерождённых
сурово.

Çиçем.

Шухашран та
хаварт
çуралса-вилекенән

куç нервисем

кәмрәкланаңшы.

Эс те җавах, күç тәпәнчи җурхахра
ўкрәнсе юлна

рефлекс.

Молния.

Зрительные нервы
твари, которая сдохнет
быстрее,
чем почернеет

мысль.

Так и ты – отблеск
задержавшийся

на сетчатке.

Чул
центрере
мäк кёнекесем.

Чун мар чун
пире намäс кўрекен
афоризмсене вулатъ;

лампа выранне
хура шаттак. Ҫын ҫырман
литературана
сахал
пёлёт-
пёр.

Шершавые
книги
на каменных полках.

Ложносущий
читает афоризмы,
срамящие нас;
лампа –

чёрная дыра. Мы знаем
так мало
о
безчеловекой
литературе.

Чул никесе,
çёр лабиринта

анать чётрев
çу çуттинчи çулçă
нервисем тарах.

Такам тивертнё хяю
пулса тачё
çýçём,
сунса пётрём, хуллен
пёр ыратусар

Ентё эсё
çулна çухатма
пултаратан.

По нервам листьев

в летнем свете -

дрожь

до начал фундамента,

до земных лабиринтов.

Кто-то поджёг

волосы, словно фитиль,

я сгорал

медленно

и без боли.

Теперь

можешь

и заблудиться.

Шывпа пул

шыв пек.

Чулпа пул

чул пек.

Е юрат шыв айёнче

чула

чамартанă алла.

Становиться водой

в воде.

Камнем -

в камне.

Или влюбиться в руку,
что поймала камень

под водой.

Атту хура тăпранан,
кĕпе-йемű – сăрă мăкран
парику – кукшапуç мамăкĕнчен

пултăр

йĕр хăварман этем
çураласса

кĕтсе тăма
çакăнта вырăнтан
тапранмасăр.

Требуются

сапоги из чернозёма,
uniforma из лишайника,
парик из пушицы,

чтобы стоять здесь
неподвижно

и ждать, пока
бесследно
родишься.

Пäрлäх
хырса якатнä
сäн-питне.

Мëн çывäрса кайиччен
тëттëмре

çиçет

мäй путäкëнчи
çумäр тумламë,

вара çухалатпär иксëмëр тë
пëр тикëс,
сикчевсëр.

Ледником
выскоблены
черты лица.

Но капелька дождя
в шейной ямке

медленно

мерцает в темноте, пока я
засыпаю

в наше
мелкоградуированное
исчезновение.

Сар құртасем
хыр тәрринче, кил
кунта.

Пул әсѣ те
вѣсенчен пѣри.

Карнавал қывхаратъ мар-и
утма қулсемпе. Тѣпра пит
тѣханнѣ пурте,
çарамас.

Хәратән пулсан, «тѣвѣл
кѣкланѣ йывѣц эпѣ»
тесе,

савѣнса выртам пек
пул.

Подойди,
вот кроны свеч
у сосны.

Ты тоже
одна из них.

Похоже, сбылся карнавал
с пути. Все голые и
в масках
из торфа.

Если ты испугался, скажи,
что это всего лишь
бурелом

изображающий
счастье.

Вăрманалла туртса
каяççе сукмаксем,
вăрмантан мар...

Ăшри
эс хăварнă юрату суранĕ
çинче
мăк
пулса шăтрăм
ěнтĕ эпĕ.

Тропинки
ведут в лес,
но ни одна из леса:

я уже стал
мхом
на следе
любовного укуса,
оставленного тобой
там, в лесу.

Лăпкă шыв
тарăнашёнчен
сăну витёр
тĕпёнчи чулсем
çёкленсе тухëс:

Паян –
прекамбриум.

Из неподвижной
бездны
поднимутся
донные камни

сквозь твоё отражение:

Сегодня
докембрий.

Хёвел –

малтан.

Хаос –

кавычкăра –

«çум-япала»

Çын çук тёнчесем

çывхараççé те

пăрăнса каяççé.

Сначала –

солнце.

Далее –

хаос,

заметка в скобках.

Безчеловекие миры

приближаются,

удаляются.

Хёвеле
медуза витёр
курнahn

е тинёс ейёвэнчи
ăccăp курăк пулнăн, анчах та
чёррён юласшăн.

Калăн:
Этем шучĕ
çитнĕ

ноле.

Калăн:
пин çуллăх импери –
авалхи чул палăк
пулса юлнă.

Если смотреть
на солнце
сквозь стекло медузы,

или болтаться безвольной
морской травой
в бурунах, и всё

цепляться.

129

Цифры
в личных номерах обращаются
в ноль.

Тысячелетнее царствие –
в монумент эпохи,
мегалит.

Юлашки сарым вырәнә
кирек

таңта тупаңнә. Унталла
пыратпәр.

Пин-пин
гравитации уйне
туртса көрет кашнине
хайен

çухалу пәнчи.
Хөвөлпө тан

çутă
сапаççë
чулланчаксем.

Места
для могил

везде и всюду.
Туда отправляемся.

Мириады
гравитационных полей
втягивают в себя,
в свои центры

исчезновения.

Окаменелость

сияет
с той же силой,
что и солнце.

Çухалу çути

вайлă пулсан

ăнлантарма пулъ

хамăра витнĕ

суран йĕрĕсене.

Тĕттĕмре

ăс

мăкланать. Чул пек

хытатпăр.

Çухалу

вăл

пултару.

Когда свет исчезновения
достаточно ярок,

мы можем расшифровать
следы собственных
когтей.

В темноте
мы становимся

тупыми. Как
минералы.

Исчезновение
равно
созданию.

Килелле,
тăван шăмăсем патнë мар,

шăм

варрине,
пĕрешкел вăл
тумла пăрĕпе тĕ

хĕвел кăшăлĕпе.

Дорога домой;

не в кость, но

в пустоту внутри

кости,

равной

сосульке и

протуберанцу.

Уçса яр алákна
яри
вара çурт
çухалать.

Урамра

турă çuk. Вырăн çuk

йёркеллĕ пурнăç
валли.

Сивĕ.
Хёвел.
Суккăрлăх.
Кăшкăрса пăх:

йăшса вĕçне
çитрёмĕр,
тесе.

Открой настежь
дверь,
и вот уже дома и
нет.

Здесь в миру
безбожно. Нет места
для нормальной
жизни.

Холод.
Солнце.
Неведующие.
Попробуй заикнуться,

ЧТО МЫ
упрощены
до предела.

ТҮСӘМЛИ
ТЕРПЕЛИВОСТЬ
(1987)

Çу варринчи çулçă ешёлёнче
хे́рсе çунать

çे́р çути –
аслă пүç шämми.

Нýхреп сивви çапнă
шалтárка хутсене

вуласа ларатпăр.

В зелени
лета

светит огромный череп,
земляной фонарь.

Мы просматриваем
истлевшие, подвально-холодные
бумаги.

Чул хўме ўшёнчи

хыткукарсем

пусрان шалса

чёлхўпе

выляççё.

Çакна пёлеççё вёсем.

Вара янёрать

сан витёр

такамান

шиклё

музыки

Горе-скрипачи
внутри каменных стен
поправляют волосы
и начинают играть

твоим открытым ртом.
Они это могут.

И эта музыка
чужого страха

звучит
через тебя.

Ҫаврәнтäm-пäхräm
хäйäр ҹырана,
эпё выртнä вырäнта

ҹапäнса юлнä

чинçешке гоминид кёлетки, хäрса
типнëскер,

ҫав йёrcëp пуçне
унäн нимён те

ҫук.

Обернувшись,
я заметил, что на прибрежном песке
отпечаталось

какое-то
чахлое гоминидное,
истощённое,

больше не существующее
вне

оставленных им следов.

Пулам-и

айван –

çын çинче
паләрми.

Шәрта тәратам –
ярса
тытайми.

Çурәм шәмми –
выльяхәнни пек.

Сәмах хорә –

хәрах күслә.

Стать настолько

простым,

что тебя как бы
и нет.

Но всё же
чуть ершистым
под рукой.

Звериный
позвоночник.

Одноглазый хор,
говорильня.

Ирпө ирех

тăрса каяççे вилнисем
вăраннă çынсен çумёнчен.

Çу çитсен каçсем шурă
чухне

сăрăлтатать

ўтрë
чул ёмĕрсенчи çүçенчёк.

Вара
килсе хуплать пире
урам шавë
çулçă сулханёпе те шыв сикки
сассипе.

Рано утром

мёртвые встают
под видом тех, кто просыпается.

В начале лета, когда ещё
бело,

ты чувствуешь
ёрзание каменного века

в теле.

Скоро
поднимется уличный шум,

что ослепит и загонит нас
в тень листвы и в скрежет воды

из фонтана.

(Çěre чикекенпе çेरтен кăларакан хушшинче – ёмĕрхи
хирěçý)

(Вражда между теми, кто выкапывает и теми, кто закапывает)

Итлөсө тăракан

стенана
пуçёпе çурса кёрсө кайнä.

Кăшт çеç
курăнса тăратъ
хăлхи.

Вăл кунталла
çаврăнасса
кëтетĕп

çаврăнатех
хăсан та пулин.

Слушатель

втянул голову
в стену.

Уши
снаружи
едва заметны.

Если ты ждёшь,
что он повернётся
к тебе,

то, может, когда-нибудь и повёрнется,
кто его знает.

Кулаççě пиртен вěсем,

хăйсене

чавса кăларнă чух.

Когда мы выкапываем их

они смеются

над нами.

Мěлтлетeççé
çурамěсем. Хыça уртса янä
урташ.

Çул хываççé. Йыväр ёçре
çавäрäнса
пäхмасäр.

Сёмрен те сём
вärмана
кёрсе пыраççé.

Чўрече-кантäка
пäта çapräç каллех –
пäрахäç кил-çурт. Такам
сёмленет
пулë

чёррён юласса.

Их спины едва заметны.

Вереск на плечах.

Расчищают путь. Они столь
сильны, что не знают
о нас.

Уходят
во всё более и более старые
леса.

157

Окна заколочены.

Усадьба на слом. Кто-то ещё помнит
инстинктивную
способность

цепляться.

(Лайхрах шухашласан – хөвөлө майлă та хирэç тө мар)

(Подумаешь хорошенъко: и ни по солнцу, ни против солнца)

Чёрнепе, перопа
хырса қырнă,

август вутёнче хёрсе çитнё
тëс çухатнă,

«асану хамисем»,

сивёнсе
çитеймен-ха вëсем.

Телейсëр пёр мäшäр
рококо-сасä
йүçё исём тëммисен хушшинчен
çёкленсе
вëçсе кайрë

шав кăлармасäр
хулаш хўми çумёпе. Лере симëс
çаран.

Тëрмене пусса илнё мäкäн
тата йëс тупäсен кивë ешёлë.

Тинёс енче
кăвакарть. Шыв тëпёнчи
машина çёmrëkë
юшкäн айёнче,
ыйхинче çýрекен
шыраса тупнä ўна,
Çиçкелесе тäрать.

тäвар пёрчи

Скрежет
ногтей и авторучек,

измотанный
до пустоты, августом воспылавшие

памятные доски

ещё теплые
под рукой.

Пара скорбных
рококо-голосов
вылетела из тени плюща. Порхают,

тускнея,
вдоль крепостного вала. Там

зеленеют рвы,
медные пушки и мох
на тюремной стене.

С моря тянет
мраком. Лунатики
обнаружили
на дне
останки автомобиля,
в облачках ила. Поблескивает

крупица соли.

Алăри хунар сүннĕ.

Нýрë
сывлăш. Пахчари
çерёшнë сётел умне
çара уран чёркуçленсе...

тëсетëп çуллахи тумтиртен
хывнă кăвайт çутинчи
тăпра урайне.

Фонарь потух.

Веет сыростью. Уселся
босой на скамью
у прогнившего
садового столика.

Изучаю земляной пол
при свете
старых летних одежд.

Харам пурәнäç.

Ватä-кивë чёлхе.

Уратаран шыв илет. Авäрсем.

Юхса юхать.

Пёр араслан,
çётёк чыхса тултарнäскер. Тўпере
хытса тänä уйäх.

Харам пурәнäç.

Пустая жизнь.

Архаичный язык.

Вода заливает пороги и туфли. Водовороты.

Потоки.

Лев

набитый тряпьём. В чистом небе

остановленная луна.

165

Пустая жизнь.

Ўкнě çулçä витнě

ура йёрне.

Хай вал тулта, йепхў айёнче танә, дежавю
каланә тахашё

спинет, çурымпа – каялла,
вилә çулçä нервисем
тарах

хайне-хай

каштах

хускалакан

патне.

Намокший лист
прилип к следам.
Он стоял под моросящим дождём.

Кто-то сыграл дежавю
на клавесине и
двинулся спиною вниз: вдоль нервов
опадающих листьев,

к тому,
что ещё

немного
подёргивается.

Аран паләракан

тамха қырәвне

цитатăлатăп

хам сисмесĕрех, вăл

пĕлет

манран ытларах.

Сам того не зная,

я цитирую

следы

исчезнувших каменотесов, они

познали больше

меня.

Пач лăпланать
кайăк шавĕ չын çук çेrte,
калта чаштăртатăвĕ.

Турат купи авăнать
резин атă айĕнче, çűхе түшек. Çेpce пырать
çăvne-хĕлне пёлмесĕр.

Хуратăп алла
çумăрпа кăвакарнă сăрт чĕрçийĕ չине. Ту тăрринчен
мана курмаççĕ.

Ёнтĕ уçалчĕ
çул вăрманта
ятсăр-шывсăр չынна çýреме. Ирĕк ёна
пирĕн урлă kaçса

малалла
никам чарайми
утма.

Гимн ёсти вăл. Юрлакан. Кĕрлекен.

Вдали от людей
внезапно смолкает птичий гам;
шорох ящериц. Ворох веток
пружинит под резиновыми сапогами,
как тонкий матрац. Бессонная земля
принимает нас.

Кладу руки на сырье,
мшистые колени склона. Его голова
не видит меня.

171

Теперь безымянному
открылась лесная дорога
и можно пройти здесь.
И он идёт

всё дальше,
бесстрашно, сквозь
нас.

Распевающий. Ревущий. Гимноман.

(Кёнеке тата аш-паш уйрäm çўлёксенче пуласса кётетпёр)

(Мы будем ждать до тех пор, пока книги и туши быков не уложатся слоями)

Канделябрьсем
çунаççě. Авалхи уяв сëрёмě.
Тёнчे урапи

унтанпа
ăста çитнě, ылтän тëкёрте
кураñать:

Хурамасем çумäрта авäнса
хуралаççě.

Çил

үçать алäка. Эпир пырса
сëртэнейми
çынсем

тухаççě те
тухаççě; нихäçан та
пире пäрахса хäвараймëç
вëсем.

Горят канделябры.
Пахнет старинным праздником.
Так много волос

выросло с тех пор,
что следующая картина уже отражается
лишь в зеркале золотом:

Вязы чернеют, согнутые
дождём.
Хлопает

дверь
на ветру. Те,
к кому нельзя
приблизиться,

ещё раз
выходят; они никогда
не будут готовы
покинуть нас.

Сана пирĕн

чёртсе

тăратмаллах, чул купи çех

тăрса юлна

пулин те,

таптаннă ятна

архиври хутсенче,

пăр сиввиллĕ шывра

та пулин.

тупмаллах

И всё же
мы восстановим

тебя, какой бы
грудой камней
ты не казался,

а твоё растоптанное имя
мы найдём
в архивных источниках,

в колючей и ледяной
воде.

(НАТЮРМОРТ, 1600-МЁШ ҪУЛСЕМ. РЕПРОДУКЦИ)

Сётел ڦинчи лампа

карра үចать:

орхидейәсем, чák

тушки. Ташä кёввинчен

пуçё анранä

лютня, гавот

вёçленнë, çутä сўниччен

кёпў сан сенкерччё.

Графинти

шыв, шäплäхра

виççёр çул ларнä пулин те, таса.

Улäхри çälтан

ăcca килнë ăна

çутä ункинчен кайнä չынсене

ěçтермелëх.

(НАТЮРМОРТ. 17 ВЕК. РЕПРОДУКЦИЯ)

Настольная лампа внезапно
срывается завесу:

орхидеи, тушки кур.
У лютни ещё все

свистит под черепотолком от танцев;
гавот окончен, шёлк голубел до момента,
пока ты не погасил свет.

179

Вода
в графине прозрачна
после трёх веков тишины.
Она взята

из колодца, к которому нет дороги,
сделанного для ушедших, что стоят
за светом лампы.

Пёлтёр چулла
хёвөл пирёnten

хәюлләрах пулчё, астәватна. Мән чухлә ўшра –
каламанни.

Харам вайпа

юмахри юман çёртен
çёкленсе, çёр туртнине
пäхмасäр,

тäчё сан ҹийён Стоунхендж пек.
Ватам ёмёрхи

алтарьсем ҹинче
хäрах урипе

шатäк ҹийён хытса тänä,
çурма ҹарамас ҹынсем
пек.

Пäхкалаççё вёсем тёлёнсе
йёри-тавра
пулмасла тёңчен

пуçламашэнче.

Солнце
этим летом

было сильнее нас, помнишь? Мы слишком
многосоставные.

Пустая сила

развёртывает невиданные дубы
из земли, и растущая масса, противостоящая
земному притяжению, будет стоять,

181

вздымаясь, как Стоунхендж,
над тобой,

как полуобнаженные люди
на алтарных картинах Средневековья
стоят

одной ногой на краю

mogилы.

Они с изумлением
осматриваются
в самом начале мира,
которого

уже давно нет.

(КЕЛЬТСЕН ИКЁ ЧУЛ КЁЛЕТКИ)

I.

Вёсем унта кётсе
тăраççë.

Тëттëмленнë хёвелтен
куssa тухаççë
пуçёсем.

Капюшонлă
тумпа,
ăш-чикë çук.

Вёсем унта кётсе
тăрëç.

Эсё çилпе
хышкăнса
пётиччен.

(ДВЕ КЕЛЬТСКИЕ КАМЕННЫЕ ФИГУРЫ)

I.

Они стоят там
и ждут.

Их головы
обкатываются
с затмений солнца.

У них пальто
с капюшонами
и никаких кишок.

Они стоят там
и ждут.

Когда же
ты
выветришься.

II.

Лутра

виле

ура

çинче.

Çеçке чашки пехиллет

пуçне.

Тулли

пёлтерёшлे

тёлёнтермёш.

Хай пуряннä çуртри

чул вучахран

кашт çўлёрех

вёл.

II.

Тонкий
мёртвый
стоит
прямо.

Лапкой-клешнёй
благословляет голову.

Он несёт в себе
всю тяжесть
чудовища.

Оно больше,
чем очаг
в доме,
где он жил.

Такантам ҫавантан, ҫав чул
халхаран. Ўпне выртса
итлетчё

аллилуя хоресене,
эпир вёсене чавса
калараймапар,
качак туртса

чёнеймепёр. Кирлех
пире халха.

Халха
вэрманта пулё
чи кирли.

Хёл варринче йёлтёр йёрё
айне пулнай пулин тө.

Я споткнулся о камень-ухо.
Он лежал отвернувшись
и слушал

подземные хоры,
поющие аллилуйя,
которые никогда не зазвучат

на языке глухонемых. Да,
нам важно слышать.

И пусть оно
будет самым чутким из нас
в лесу.

Даже зимой,
забытое под лыжней.

(Вилнисем қырқалаңған пирөн пата хұмесем қинчे)

(Мёртвые делают граффити о нас на стенах города)

Такънсанах
тупайнать сан ятна чавнă

пушă

шăтăк.

Когда ты споткнёшься,
какой-нибудь пустой мешок
всегда будет

открытым

для тебя.

Чул
тире

витер тухре
шал карти.

Күң улмисем, ўпкисем,
Хаммурапи саккунесем

шалтах пулөс.

Зубы с трудом,
но всё-таки прорезались

на поверхность
камня.

Глазное яблоко, лёгкие,
Законы Хаммурапи пока ещё

внутри.

Шәнтма ҹакнă
аш тушкисем

хаш
сывласçе
ватта йўтенё хуçисен
питёнчен, ан манчар

вут хурса
вёсене ҹула ўсатма.

Замороженные туши скота
приходят,

поскрипывая,
подышать
на своих одряхлевших

хозяев, чтобы они
зажглись

и освещали им дорогу.

Шăп

тăр. Шăппăн
пус. Виле киммисем
ишеççë

вăрман витĕр.

пăрахса хăварнă
çынран та

манăча тухнă
тăванран та

инçетрех
вĕсем

хăйсене никам та
асра тытман чух.

Стой

и будь нем. Уезжай
и будь нем. Корабли-могильники
плывут

вглубь лесов.

Дальше тех, кто
оставлен.

Они также далеки,
как и близкие,

когда их больше
никто не помнит.

Пাখ-ха, килти вак-төвөк
йалт астা঵ать.

Юр айенчи
йывাচ

чиркү өвөр. Чүречерен –

çинче труба

сасси.

Халь-халь

ятсар-шывсар çар
çёкленсе

çапаçава
көрөс пек, аваллыхпа,
вара.

Подумай, что сохранила
домашняя утварь.

Деревья
так церковно

заснежены. От окна –
слабый вой

трубы.

Всё это я вижу перед тем,

как валы безымянного,
поднимутся

и обрушатся в прапамять –
бесследно,

однако.

Магнит қыру қинчи

cassy

сүймасть, калать вайл:
эсё ху

пурнатан

чул

ёмёрёнче.

По своему голосу,

записанному

на ленту,

ты понимаешь,

что

всё еще

остаешься в

каменном веке.

Хунарсем –
сывламалли шаттаксем

çути çыпçанать
пит-куça, алла.

Йыварланнä паркsem
ýпёнеççé

çўлтен, çавранса
ўкет
çулси пирён

çийён. Çаварна

үçсан
янäрать, тейён, аваллäh

музейё.

Фонари,
словно дыры во льду для дыхания,

свет прилипает
к рукам и лицу.

Отяжелевшие парки
висят где-то

сверху, я чувствую
над нами
кружится лист.

Если ты откроешь рот,
он зазвучит

подобно историческому музею.

Пёлменни
шákärtattarать

алäkra,
турилккере. Çиет.

Непостижимое

скребёт

по дверям,

по тарелке. Настигает.

Кунě паян

çемçe, çути

хавшак, ала витěр

аланса тăнăн

сивě шиклěхў хăйĕн

юррине

юрланăн

Сегодня день смурной,
свет его

так пуглив –
отвернулся

от твоих песен
о холодном
ужасе.

Çуркунне.

Чул
пичё сানне

çухатнă.

Хăваласа çитес çук
шыв юххине.

Весна.

Лицо

камня

лишено лица.

То, что мы никогда не ловим,

течёт потоками.

Археологин
аслă шăплăхне

тултарасчĕ
теремер

çын сассипе.

Тишину

великой археологии

мы попытались

населить

криком.

ÇҮП-ÇАП ХЁВЕЛЁ
МУСОРНОЕ СОЛНЦЕ
(1989)

Ноябрь. Тेpес, вăл кунтан иртсө кайни виçе çул пулать, урам шăлакансем забастовка пуçланăччë те, эпë урамри çўп-çап тата хăрнă турат купинчен кăвайт хывнăччë. Çўп-çап – юрату кăвайчë.

Халë сарлака чўречерен пăхса тăратăп: çулçине тăкнă груша йывăçë, эс иртсө кайнă çул пиçë. Тëттëмленет. Ратушăна капăрлатакан çутă вайланнă çемён вайланса пырать. 1790 çулта кёвёленë сëрме купăс квартетчён çўхе те çутă çурхахë сўнекен кунăн юлашки çутине самантăлха чарса тăрать.

Юр айёнчен (вăл кёçех килсе çävë) кăшкăрса чёнсен – хурав килë. Анчах юр айёнчи юр пек кăшкăрас пулать.

Ноябрь. Помню, она проходила здесь три года тому назад во время забастовки городских мусорщиков, когда сжигал мусор и сухие ветки в костре. Мусор как горючее для любви.

Гляжу из широкого окна на пустое грушевое дерево и дорогу. Темнеет. Все ярче разгорается огонёк в окне дома напротив. Тонкая гладкая плёнка струнного квартета 1790-х на мгновение удерживает последний луч дня.

Как аукнется, так и откликнется в снегах, которые скоро выпадут. Ответа не будет.

(Вăрансассăнах манăча хăварчĕç мана)

(Я проснулся забытым)

Тен, эсё – пусас выльях
харлтатнине илтёнмелле
янтратаканё ћеç

е кётнё çатмаксен
сийлё-сийлё

çäви.

Возможно, ты – всего лишь усилитель
сырого дыхания
скота на бойне

и слой за слоем
зарытого

царства небесного.

Вăрçă вăйи, чиркүсөн йĕп тăррисем
çинсен-çинсен

хĕвел çутинче
ирĕлсе çухалаççĕ.

Вăрманта ѣшă,
никам та çук.

Ку сукмаксемпе
çухалас вёçне çитрём,

кама та пулин
тĕл пулас

çын пек
пулас тесе.

Сирены воздушной тревоги, шпили церквей
всё тоньше и тоньше,

скоро они совсем сотрутся
солнцем.

Лес стоял тёплый
и заброшенный.

Я уже почти
одичало

на этих тропинках,
в поисках встречи хоть с кем,

чтобы стать
им.

Йälт

çухалнä пулсан та
ним тупäниччен

тупäнë

вärманта
типë хäрäк

турат

ура айёнчен çёклесе
хирëç тäрам е хирëç
тänä
евëр

пулма. Пурэнни мар.

И пусть
всё утрачено
ещё до обретения,

всегда найдётся
тонкая, сухая

рука,

поднятая из-под ног в лесу,
в знак защиты
или немого протеста.

Но это не так.

Раштав, кәнтәрла иртсен. Юр չәвать, каç пулнă пек
канлë, ыйха путнă пек çämäl, пире пăхмасăрах юр ýкет,
эпир çукпа пёрех, չәвать те չәвать пёр никамшăн,
çураличчен уçайлман е вилсен хупăннă күс шурришён...

Декабрь, после полудня. Падает снег, легко, будто ночью и будто мы уснули, падает снег не для нас, или как будто нас нет; он продолжал падать ни для кого, для белка глаз до рождения или после смерти.

(ДЖАКОМЕТТИ. ҪИНҪЕ МÄЙЛÄ ПУҪ)

Чулান
кäшкäрас
вайёпе

тулса
вайране
этем

(GIACOMETTI. TÊTE SUR TIGE)

В конце концов
человек
всплывёт на поверхность,

как и способность
камней
кричать.

Чёнеççě сана çырла шурёнчен
тухма

чёнеççě
килелле

чёнеççě
варттāн

чёнеççě шалтан, сив чир
ывтāнать пёлёте
туратсем
çинçелсе çухалаççě

сив чир мар,
тарнä кайäк хури

çeç, вара
сенкерлëх.

Из глухомани морошковых болот кричат

тебе,

зовут тебя

домой,

выкликивают тебя,

затерянного

голоса пронзают насквозь,

бред выбрасывается

вверх, и ветви

всё тоньше,

превращается в птицу,

исчезающую точку,

а потом -

только синева.

(Тархаслу. Манса кайär тахсан эпë çёр çинчë пурэннине,
манпа çўренисене. Камсемччё эсир?)

(Просьба: Забудь о моём существовании, забудь, что я вообще когда-то существовал, не может не быть не выполненной. Но кем?)

Санāн хавшак ёмётү никама
çута күмө. Ҫаваңпа
ун ҫинчен ан

шарла. Анчах, касна йывәç шәршиллә
наçилкке аври,
вёçе – ылтәнланä
арäслан тяппиллә пулë,
тяппи ялтарратë анакан хёвелпе

ялтарратë те сýнë,
шалчи çеç тärса юлë.

Шыраса урса çитнë ҫынсем
шалчине тäräntарëç юра
(карри шапälтатë ҫилпе)
калëç вара:

Ҫитë. Пуçлар
çакайтан, çенёрен. Ҫак кивë

йёпенчёк ялав
тëlёнчен.

Тем аташаççë вёсем.

Твои болезненные фантазии
не делают вещи более ясными. И потому давай о них

сейчас не будем. Но всё же
брусья одра ещё пахнут деревом,
сквозь них прорастают львиные лапы,
резные и позолоченные,
они сверкают на вечернем солнце и

расслаиваются, обращаясь в
трухлявые жерди.

Злые береговые спасатели
втыкают их в снег (брзент порвался
и треплется на ветру) со словами:

Хватит. Начнем отсюда
 заново. С этого,

прогнившего и воняющего псиной
флага.

Они бредят.

Июнь. Хёвел вაл атте те, анне те мар. Вутланать çеç.
Пире тўрё тўма парать. Хыр вуллисем пек тўратпäр, ав,
вўрäm ретпе. Çўç ялавёпе витёнсе.

Хёвел – шухашлама пёлмен ядерлä физика пулämё. Эпир
– шухашлама пёлекен çўп-çап. Çук, йывäç мар эпир.
Йывäç çине пäхатпäр. Пёр-пёрин çине пäхса илетпёр те –
куça тартатпäр.

Июнь. Солнце – ни мать, и ни отец. Просто жжёт. Помогает нам прямо стоять. Стоим вон там, в длинном ряду, как стволы сосен, как древки, покрытые флагами волос.

Солнце – это термоядерный взрыв безо всякого сознания. Сознательное разрушение создаём мы. Нет, мы не деревья. Мы смотрим на деревья. Смотрим друг на друга, не выдерживая взгляда.

Хăвна чĕнсे

мар

кăшкăратъ

санри.

Этот зов

в тебе

зовёт не

тебя.

Күçсärри

сан күçу

тëпёñчен

пäхать.

То, что само
и не может видеть,
смотрит
через тебя.

Кăшкăрса курман—
хăраса курман.

Эс кăшкăрни

ăна

кирлĕ мар.

То, что само
не может кричать
не имеет

страха. Ему

не нужен
твой крик.

Асăрхасах пулать

эпир күс

үсиччен кунта мĕн

пулнине,

кус пăхса илнĕ хыççан

мĕн

юлнине.

И все же мы должны
поглядывать

за тем, что было там
до открытия

глаза, за тем, что останется там
после того, как глаз
закроется.

Сапәнса кай.

Таврара چук никам.

Çумра – никам.

Эс ху – никам.

Растворись.

Нет никого вокруг тебя.

Никто не может быть рядом с тобой.

Никто — это ты.

Ноябрь. (Пёр вунă çул каялла). Вёсенчен пёри, çäkär пёçерекенле тумланнäскер, питне хура тутäрпа хупланäччё. Çурçёр çитеспе тытäнчё çакäскер пёр сас кäлармасäр пукансене ывätма. Физкультура залëнчи маччаран гирляндäсем çакäнса тäратчёç; чўречисене ўшша пиçнёрен е сигарет тётёмё тулнäран уçсан, вёсем çилпе чўхенетчёç. Юнашар пўлёмре çурма тёттём, ватам ёмёрсенчи пек çёкленўллё. Уяв вахатёнче юр çума тытäннä пулнä, хальчен çавна никам та асäрхаман. Сасартäк тёнче çуталса каять. Ташä тапäртатäвё сывлäшра, инсетре тäрса юлать. Шкул картишёнче икё юланут кётсе тänä.

Ноябрь. (Десять лет назад). Один из них был в костюме пекаря и черной маске. Ближе к полуночи он начал опрокидывать стулья без единого слова. С потолка гимнастического зала спускались гирлянды; они трепетали на сквозняке, когда окна открывались, чтобы выпустить дым от сигарет и жар тел. Зал без танцев в полумраке – как в романе. До этого момента никто не замечал, что во время праздничного веселья начался снегопад. Белизна светилась, будто в тихие дни. Хлопанье и топанье танцев внезапно и легко зависло в воздухе. Внизу, на школьном дворе, стояли две лошади.

Ноябрь. Ҫийәнсө пётнә автопокрышка сарай ҫүмнә тайанса тәрать. Ӑшне шыв пәрләннә, панулми хуппи шәнса ларнә.

Ҫу әшшиллә, тусанлә ҫулсемпә каялла, күс шәрçинчен те пәчәкрех пулса тәриччен. Сивве туйман клеткәсен чамакки пуличчен.

Ноябрь. Истёршаяся автопокрышка прислонилась к стене склада. Дождевая вода внутри превратилась в лёд, куда вмёрзло неспелое яблоко. Дорога из пыли и летнего света, ведущая назад, туда, где можешь помолодеть настолько, что станешь меньше собственного глаза. Сгустком клеток, ещё не познавшим холода.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Гуннар Вэрнесс. Тур Ульвен: тексты, контекст, рецепция..</i>	7
Ама Кайák ёмёлки / Тень Первоптицы (1977).....	23
Хыңсамартта – палләсем / После нас, знаки (1980).....	43
Ҫухалу пәнчи / Точка исчезновения (1981).....	85
Тýсемли / Терпеливость (1987).....	139
Ҫўп-ҹап хёвелё / Мусорное солнце (1989).....	213

